

РУССКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ

Рассказы, сказки, стихи, анекдоты и прочее из Новой Русской Азбуки

А. Анна Хвостова. Из Лондона

1

В этом нашем (конечно, не нашем!) доме один большой коридор и восемь комнат. По четыре с каждой стороны.

Их сдает нам, жильцам, хозяйка, Надежда Николаевна.

Женщина простая, не очень злая, но грубоватая.

Она здесь величина постоянная, мы – переменные. Кто-то иногда прибывает, кто-то убывает.

2

Однажды приехала и поселилась в наш коридор совсем еще не старая женщина Аня. Из Лондона.

В самом деле из Лондона!

Когда она только приехала, Антон Вадимович спросил ее:

– Если не секрет, вы издалека?

– Из Лондона. – И Аня, Анна улыбнулась иронически и загадочно. – Решила из этого Лондона поближе к цивилизации перебраться...

Нет, конечно, она была не из английского Лондона.

Она приехала в наш относительно центральный, не очень далекий от столиц городок из дальнего-дальнего Туманногорска.

А поскольку в каждом уважающем себя Туманногорске есть своей Лондон (иногда он же Шанхай или Париж, иногда это разные и даже не жизнь, а на смерть враждующие между собой территории), то в таком-то Лондоне и проживала прежде наша новая прекрасная соседка с короткой стрижкой и веселыми живыми глазами.

– Решила поближе к цивилизации перебраться...

3

Антон Вадимович Данилин (комн. № 1) большую часть жизни прожил в общежитиях.

Бедный Антон!

Ему шел уже пятый десяток, а он был в чем-то как бы идиот.

Иван Макаров родился в 1957 году в Москве. Окончил химико-технологический институт и заочно литинститут им. Горького. Работал инженером, слесарем, дворником, сторожем и т.д. Публиковался в журналах и альманахах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Поэзия», «День поэзии», «Плавучий мост», «Крещатик», «Нева» и др. Живет в Калужской области. В «Волге» публикуется с 2017 года.

Притом довольно-таки хитрый. То есть знал, кому что можно сказать, а кому безопасней не говорить... Не стоит.

То есть таким его сделала жизнь. Общежития. Общаги. Общежительства.

Сначала это были, собственно, просто военные казармы. Антон Вадимович служил сверхсрочную, был прапорщик.

На сверхсрочную и в прапорщики он не совсем обычным образом попал. Его обещали после школы прапорщиков направить дальше обучаться в военно-политическую академию по культурной части, чтобы он мог служить завклубом или чем-то в роде. Это ему нравилось: в школе он успевал по трем предметам: русская литература, история и физическая культура... В военно-политическую академию его не направили, и из армии он при первой возможности демобилизовался.

После он был студент. Снова общежитие. Недоучился на «философа». Появилась семья. Нужно было что-то зарабатывать.

Дальше недолгая, меньше двух лет, не совсем сложившаяся личная семейная жизнь, и снова общаги, общаги...

Впрочем, человек он был добрый и честный. С общежительским, конечно, оттенком. Или с акцентом...

От долгой общежительной жизни у него выработалось два инстинкта: защитительный и нападательный.

Остальное укладывалось в эти главные направления...

И что он, такой, мог предложить Анне?..

Она только вежливо улыбалась.

4

Виктор Георгиевич (комн. № 6) был великий исследователь и экспериментатор. Изобретал порох. Одновременно служил дежурным слесарем по отоплению и вентиляции.

Он-то, безусловно, Ане понравился, но...

Но он был беден, как всякий настоящий, как всякий уважающий себя пролетарий...

5

А я?

Ну, про меня и говорить нечего...

6

Восемь комнат. Один коридор. Общая кухня.

Комнаты №№ 1, 2, 3 занимали таджики.

Культурно жили!

Да, таджики хорошо жили. Дружно, по-семейному. И не бедно. Потому что много работали.

И даже мужики у них, которые отдельно, без семей здесь жили, никогда не покупали хлеба. Сами пекли. И какой!

Еще бы!

У них судьба.

А у нас судьбы.

7

Мы, конечно, тоже не плохо жили...
Но как-то одиноко и безалаберно...
Хотя все же и не в Лондоне...

А потом приехала из Лондона Аня. Анна Хвостова...

Судьба?

Мы все дружно ухаживали за ней. Старались. Стали чаще умываться и чище одеваться.

Старались.

А Аня?

Со всеми была приветлива, как-то царевна при семи богатырях... Но никому никаких предположений, и вообще ничего никому...

Почему так?

Очень просто.

Потому что из Лондона...

Б. Белка. Вернее, три...

Три белки (Рассказы пациента)

Белка, «Белая горячка» по латыни – **delirium tremens**. – Дословно – «трясущееся помрачение». Я их наблюдал три.

1

Я тогда в первый раз попал в это медучреждение.

И вот как-то вечером один пациент, молодой и здоровый на вид молодой человек, чувствовал себя, как мне показалось, довольно-таки весело и непринужденно, жизнерадостно – как будто на театральном капустнике.

– Понимаете, – повторил он, – у меня сейчас вылет, мне нужно в самолет... Срочно...

Окружающие, все в одинаковых смешных пижамах, дружно соглашались:

– Правильно! И нам всем нужно в самолет. И вот мы все сидим, ждем.

Но улетающий пациент не унимался. Самолет сменился пароходом, и все вокруг тоже дружно ждали отплытия.

При этом пуще всех веселилась стройная, ухоженная немолодая дама (в гражданской одежде).

– И мне на пароход, – нежно улыбалась и умилялась она.

Теперь я думаю, ей нужно было что-то другое делать:

Она была врач, завотделением.

И она как-то просто обязана была ему как-нибудь по-другому помочь...

Счастливого путешественника в конце концов все же связали (чтобы не улетел), да как-то все неловко вышло, к утру у него стали отекать ноги: что-то стало неладно с почками.

Завотделением как-то что-то не так сделала...

2

Второй случай был проще, лаконичней и выразительней.

Жертвой приступа стал вполне пристойный на вид ровного поведения пролетарий.

На второй день пребывания в отделении он неожиданно снял со стены огнетушитель (и зачем

он там висел?), перевернул, как положено по инструкции, и стал гасить больных, праздно сидящих на лавках в холле.

Он так ловко и уверенно ликвидировал возгорание, что его некоторое время никто не мог остановить.

Наконец маленький, худой и совсем не спортивного вида доктор подкрался сзади и выбил у *пожарного* уже пустой баллон.

Этому человеку повезло.

Вероятно, после случившегося он перестал злоупотреблять навсегда.

Дело в том, что к тому времени в больнице уже установили видеонаблюдение, и на другой день бедняге показали на экране всю картину его геройств.

3

Третий случай, которому я был свидетель, случился совсем лирический.

Преблагобразнейший дедушка тихонько прогуливался по больничному коридору и ласково звал свою любимую собачку.

Я уже знал, что делать, достал сигареты, позвал дедушку покурить, а сам осторожно сказал сестрам на посту, чтоб они срочно звали врача.

А пока мы с попавшим в беду собаководладельцем искали, звали и гладили его любимое животное, только дедушка никак не мог понять, зачем курить надо идти в курилку и все рвался к балкону (4-й этаж), где совсем недавно только сняли решетки...

...Когда его уже вязали, и я помогал (а что было делать?), он трогательно возмущался и кричал тихо и ласково:

– Ну, что же это такое, Машенька! Гости давно пришли, а ты чаю не даешь ...

В. Велосипед. Одиночество

Сашу зовут Велосипед.

Он удивительно добрый человек, и почти всегда улыбается.

Сколько я его знаю (а знаю я его очень давно, с 2008 года), он всегда был тих, кроток и весь светился иногда какой-то не совсем здешней добротой и любовью.

Иногда ему случается порядочно запивать, а кому не случается...

Сейчас он работает. Снова какие-то стройки.

– Я, – говорит он, – по жизни работяга...

Когда-то Саша жил в монастыре. Просто некуда было деться, и монастырь иногда спасал...

Велосипед – это была когда-то такая в монастыре нелегкая и малопочетная должность.

Саша Велосипед сидел тогда на привратке и, если кому-то из братии или из начальства звонили по телефону, ему должно было бежать по монастырю и разыскивать искомое лицо. Потому и «Велосипед».

Это была трудная работа, суетная и уже непонятная: почти у всех были тогда уже сотовые телефоны.

Конечно, он этой беспокойной жизни он временами запивал, иногда его даже изгоняли из монастыря, иногда отправляли *на скит*.

В конце концов он осел-таки в своем условно-родном Обнинске, устроился на работу, женился и поселился у жены.

В первый раз в этом социальном статусе и гражданском состоянии я увидел его в этом году, на самый Новый год. Я жил тогда возле этого самого нашего монастыря, в монастырской гостинице. Там же и Саша остановился. Сколько-то лет до того мы с ним не встречались.

Саша был пьян, нездорово возбужден, но не уставал ласково улыбаться во все стороны.

Дома жена его запила, назревал скандал, и Саша просто уехал от греха подальше в монастырь, в гостиницу, где мы и оказались с ним в одном номере.

Мы были рады друг другу.

А дома, в Обнинске у него все сложилось в тот момент решительно нехорошо, мало того что жена запила, к ней приехал ее сын (Сашин пасынок!), в придачу ко всему служащий в органах, и они вместе с Сашинной женой, своей матерью, вместе запили.

К слову сказать, Сашина жена, как он говорил, пользовалась большим авторитетом в обнинских воровских кругах. Чудный коктейль.

Конечно, мы немного *погуляли*, и еще общие друзья приехали, а на другой день я срочно уехал – прятаться от дальнейших *гуляний* и, главное, от ожидающихся рождественских морозов...

2

В другой раз Саша приехал летом, когда здесь все цвело, утешительно и жизнерадостно...

Но и летом Саша приехал хоть и улыбающийся, но невеселый.

Он был в таком же больном состоянии и снова от *семейных* причин, с той разницей, что сын жены еще не прибыл, а только ожидался.

Я и сам оказался тогда не в самом счастливом положении – несколько раз подряд за короткое время (бомбы в одну воронку!) меня обворовали до нуля. При том – *свои*. Но теперь все равно, это уже дела прошлые, и я никого не виню... Все мы грешные...

Саша обрадовался мне, стал совать деньги: «Ты мне столько раз помогал...»

А чем я ему помогал? Да ничем... Полтора раза выпивкой, мелочью и табаком...

– Нет, – повторял Саша, – спасибо тебе уже за то, что ты есть...

И именно в этом, как ни странно, в том, что и мне (мне, идиоту!) можно было быть благодарным *уже за то, что я есть*, был некоторый смысл. Правда, невеселый. Но я только вечером это понял.

Выпивать я с нам, правда, пока отказался: хотел пойти на вечернюю службу:

– Вечером успеем...

Но кое-что, главное, жуткое и грустное, из своих новых радостей Саша мне успел рассказать.

Пьяный, он смеялся и плакал:

– Я же ее люблю... Ее одну люблю... Я на улице с одиннадцати лет... Я один... У меня никого нет на свете... Мне слова не с кем сказать...

От подробностей сегодняшних Сашиных дел у меня и самого голова закружилась... А я, дурак, думал, что трудней, чем мне, никому и быть не может...

А дела у него были такие.

Накануне кто-то прислал Саше на телефон видеозапись.

Там, на видео, этот самый Сашин пасынок из органов, совокуплялся с его женой, и соответственно своей собственной матерью, и при оба этом они были очень веселы и радостны...

Снято все было во всех подробностях, и никаких сомнений в подлинности записи быть не могло.

Больше всего Саша-Велосипед мучился от того, что не может понять, кто все заснял и послал ему эти живые картинки:

– Я ведь ее ночью убить мог... А я ее люблю... Одну ее люблю...

Конечно, на вечерней службе мне было совсем не спокойно. Я только о Саше думал, пытался молиться, как мог: Спаси его, Господи, и помоги ему...

А вечером он был уже совсем никакой.

Мы с ним немного выпили возле самого магазина, он дожидался теперь т.н. *скитоначальника* Серегу, чтобы уехать с ним на т.н. *скит*, ухаживать за курами и утками, а я то и дело бегал в монастырь поторопить этого самого Серегу.

В монастырь и даже в гостиницу такого пьяного его бы, конечно, не взяли, а Серега *на скит* брал, зная его честность, работоспособность и добросовестность.

Конечно, я пробовал уговорить Сашу в первую очередь уйти из этой *семьи*, просто найти себе нормальную женщину, начать новую жизнь: ты ж на двадцать лет моложе меня... Зачем тебе эти радости?

Саша еще не понимал или не хотел понимать:

– Я ж ее люблю... ее одну люблю... Я на улице с одиннадцати лет... Я один... У меня никого нет на свете...

Мне слова не с кем сказать...

Есть ли где на свете более одинокое одиночество?

Саша уехал, а я до ночи курил с ребятами под старой липой, и мне было дурно и страшно от того, что я никому не мог рассказать о Шашиной беде.

Я знал: никто не поймет.

Тоже одиночество...

Г. Гоголь

За столом женщина. Психолог. Худая и вся какая-то соломенная. И глупые вопросы задает. Из-под халата видна футболка. На футболке Гоголь.

Стандартный портрет. Не очень заботливо воспроизведенный.

Над Николаем Васильевичем какая-то надпись. Что, – спрашиваю, – у вас над Гоголем написано?

– Завтра сожжем.

Милая дама... Психолог.

И даже, похоже, неплохо зарабатывает...

Д. Душа. Диалектика

Души у нас нет. Ни у кого. Это наукой доказано.
Души у нас нет, а душевнобольных $\frac{1}{2}$ населения. Или больше.
Как это понимать?
Диалектика!

Ж. Женщины

Все знают, что на церковных службах в храмах женщин у нас бывает всегда больше, чем мужчин.
А служат у нас в храме исключительно мужчины.
Женщины только в хор допускаются...

А если б (хоть это и невозможно!) у нас бы женщины в храмах служили?
Тогда, может быть, мужчин среди прихожан было бы больше, чем женщин?
А что? Очень даже может быть...

З. Золотая рыбка

Выловил рыбак золотую рыбку.
И за выпуск в синее море потребовал:
– Скажи, говорит, рыбка про меня всю правду.
Рыбка возьми да скажи...

...Совершенно утонуть он все же не успел. Выловили.

Рыбка, конечно, не изверг была, не Змей Горыныч... Не хотела говорить. Отказывалась. Но глупый рыболов не отставал и не отпускал. Вот она и сказала. А что ей оставалось?..

И. Иностранец

Неожиданно дождь пошел. Не сильный еще. Но барбосу это не понравилось.
И, поскольку он был не нашей породы барбос, белый американский бульдог, то он и рассудил не по-нашему:
– Итс, – подумал он по-своему, – рейн..
И полез в будку.

К. Казак

Это нужно кому-то другому,
И терпеть это сил уже нет:
Самолеты летают по дому
И садятся на пыльный паркет.

Из углов темнота наступает,
Остывает дневное тепло.
Самолеты по дому летают
Неуверенно и тяжело.

Самолеты над мебелью кружат,
Внешний вид их немного смешон:
Весь кругами из собственных кружев
Самый малый из них окружен.

А под ними цветы расцветают,
Их немые улитки едят...
Самолеты летают и тают,
Пассажиры по лавкам сидят.

Тот казак, что гуляет по Дону,
Любит деву, которая льет
Реки слез... И летает по дому
Ясноглазый ее самолет.

Л. Логика (формальная)

Население (на Земле) чрезвычайно выросло. И пока еще растет.
Следовательно, мы больше думаем!?

М. Монашествующие

Жил-был волк. Одинокий. По-своему счастливый. Но только очень по-своему.
Волк жил в горах и тяжело переживал свое одиночество.

В какое-то время по соседству с ним, но ничего не зная о его существовании, поселился отшельник.

Волк сначала хотел естественным образом этого отшельника скушать, но не смог. Этот странный человек был все время чем-то занят, то трудился, раскапывая что-то вроде огорода, то молился, и вообще было в нем что-то, что мешало просто сожрать его по-человечески.

К тому же отшельник был тощий.

И вот, в один прекрасный день (на самом деле, день был совсем не прекрасный – холодный, голодный, ветренный, голый и одинокий) зверь пошел знакомиться.

Для начала волк остановился недалеко от хижины (если это можно так назвать) отшельника и стал выть.

Сначала днем, а потом и ночью.

Теперь каждый был занят своим делом: волк выл, отшельник терпел.

При этом оба постились. Отшельник подвижничал, а волк поневоле.

А некоторое время спустя они таинственным образом подружились, и хвостатый злодей стал часто навещать отшельника.

О чем они говорили? Никто не знает.

Н. На всякий случай

– На кого вы ругаетесь?

– На всякий случай...

Всякий случай стоял в стороне, молчал и тихо улыбался.

А про себя думал, что хорошо бы ему иметь ружье и убивать всех, кто ему не нравится. Да. Просто убивать... Но не совсем просто так убивать, а так, чтобы все убитые тотчас бы оживали... Ну, пусть не немедленно... Пусть через пару часов...

Но ружья у него не было, и таким чудесным бессмертным образом убивать он не умел.

Так он и стоял. Молча слушал, как на него ругаются.

О. Одиночество

Несомненно: свидетели – это лишнее и ненужное. (Даже если ты ничего «дурного» и предосудительного не делаешь.)

Но, с другой стороны, как быть, если вдруг понадобится Алиби?

П. Птицы

– Лида! Ласточка!.. Скушай куриную ножку!..

Р. Рыба

Помню, когда-то летом мы сидели во дворе у Спасского собора Заиконоспасского монастыря (Москва, центр, вход с Никольской).

Храм порядочно пострадал от *мирского* хозяйствования. Грозит разрушиться. Какое-то там архитектурное или просто конструкторское бюро было в храме перед тем, как его вернули церкви, а до того еще чего-то и еще чего-то... А еще до войны оттуда, с колокольни, пытались даже запустить телевидение (знаменитой Шуховской башни тогда еще не было).

По слухам, сам актер Москвин, взобравшись на колокольню, прочел оттуда знаменитый чеховский рассказ про «злоумышленника» ...

Но это было давно.

Настала другая эпоха. Теперь, правда, и она тоже прошла...

А тогда было все в ремонте. Мы приходили помогать ремонтировать. Потому что – Храм...

Во дворе кроме храма еще почтовое отделение, вентиляционные башенки, еще что-то и чер-ный ход дорогого ресторана в псевдорусском стиле («Борис Годунов». Принадлежит, говорят, армянам). Оттуда, из подвала мы вытаскиваем тесанные белые камни старой кладки, таскаем к

собору.

Камни большие, тяжелые, мы часто отдыхаем, сидим на бордюре, курим.

Весь двор перед нами. Поневоле мы видим все, что во дворе происходит.

Во дворе три мусорных контейнера.

Ввиду выгодного географического положения контейнеры, естественно, «богатые». Поэтому *блуждающие*, и просто нуждающиеся люди регулярно их навещают. У них вроде как расписание. Они уже знают, когда зачем туда нужно приходиться: в какой-то час за пустыми бутылками, в какой-то за тряпками, в какой-то за едой. Страшно только – в городе жара: еда быстро портится, люди могут отравиться.

Вот немолодые, пьяные, он и она. Пришли вдвоем. Что нашли и достали, взяли: клубнику, какое-то пирожное в коробке. Жена мужа тащит: пойдём! А он нейдет. «Рыба, говорит, там хорошая». Доской в контейнере шарит, но доска короткая, не достать. Это тянется долго. Жена устала ждать и звать, кой-как подтянув юбку, широко и неровно крестясь, пошла, покачиваясь к храму: может быть, там что дадут. А мужик не уходит. Пытается вожделенную рыбу достать, ругается и повторяет:

– Ну, это же надо додуматься! Идиоты! Такую хорошую рыбу на самое дно положили... Надо же додуматься!..

Он в самом деле видит чей-то черный и злой умысел в том, что такая хорошая рыба оказалась на самом дне мусорного бака, он уверен, что это нарочно кто-то так положил.

Но вот и я с недавнего времени стал замечать, что сам уже почти так о многом происходящем вокруг, и о происходящем со мной, думаю, это кто-то нарочно устраивает:

«Идиоты! Ну, это ж надо додуматься!..»

А может быть, мы с тем бедолагой действительно в чем-то правы и все это действительно кто-то *нарочно так делает?*..

С. Сказка

Скоро, говорят, сказка сказывается, не скоро дело делается...

Чепуха!

Пока иная сказка сказывается, столько, другой раз, дел успевают сделаться! И каких!

Т. Тайное общество

Чтобы тайное общество было действительно гарантированно тайным, оно должно состоять только из одного человека.

И, кроме того, этот единственный тайный член тайного общества должен и от самого себя очень многое держать в секрете.

И еще он должен не сожалеть ни о минувшем, ни о случившемся...

А мы все больны коллективным раздвоением личности.

И поэтому быть одним (solo!) человеку крайне затруднительно.

Следовательно, тайное общество в нашем мире крайне маловероятно.

У. Утро

Толстая дама с круглым лицом в военной форме и фуражке записывала всех в список, а мы расписывались, каждый вслед за своей фамилией:

Уч. Иванов, уч. Васильев, уч. Каменщиков, уч. Царева, уч. Придворова...

Что б это значило? Или мы теперь ученики?.. Или учащиеся... Не очень-то похожи...

Я сам спросить не решился. Военная дама была важная и надменная.

Спросила худенькая женщина в очках с тронутым ветряной оспой лицом и нервная, впрочем, довольно милая – как маленькая обезьянка или иностранная туристка:

– Уч. Захарова, – прочла она вслух, – это что значит? Ученики? Я – ученица?

– Ученики!.. Ученица... – Военная женщина насмешливо скривила сильно накрашенные губы и повела плечами с погонами:

– «УЧ» – значит «Условно Чистые» ...

Ф. Фрейд – Doctor von Freud

«Психология...» – уж не помню, чего... То ли сна, то ли «обыденной жизни».

Это было давно. Была осень. Я был тогда молод и беден (Хотя не так, как теперь, конечно.) Но – были и беднее меня.

Мое семейство уехало отдыхать, и я остался на некоторое время один. Жил в отдельной комнате. Коридорная система. И недорого.

А один мой хороший приятель оказался в больнице. В психиатрической. Имени Кащенко. 17-е отделение (экспертиза).

На воле у него осталась жена с ребенком.

И вот мать этого моего приятеля, женщина видная, крупная (я ее видел однажды), работник торговли, воспользовавшись случаем, выгнала из дому его жену с четырехлетним ребенком. Видно, не очень ее любила. Пойти бедной бабе было совершенно некуда, она была родом откуда-то из Сибири.

Вот мне и пришлось приютить ее с ребенком у себя.

Сам я тогда (Теперь и не верится даже!) на двух работах работал, ездил далеко, уходил рано, приходил часто за полночь, спал мало.

Что она делала тогда целые дни одна в моей дурацкой комнате? Что думала? Была она в то время, кроме всего, брюхата, не знаю, на каком месяце, но уже заметно. А мужа (любимого при том!) не то тюрьма, не то дурка ждет. Подумать страшно, каково ей было...

Однажды я вернулся где-то к полуночи, упал на свой одр в углу.

Я устал до такой степени, что к чужим бедам был уже вполне равнодушен.

Уже засыпал.

А ей не спалось. Ребенок ее спал, а у нее ночник горел, она, может быть, чтобы отвлечься, пробовала читать. Книги у меня всякие были и по комнате валялись в беспорядке. И попался ей этот самый Фрейд. Эта самая уж не помню чего «Психология...» – естественно, полуподпольная ксерокопия в зеленом переплете.

Книга ученая, в ней терминов тьма, и Верочка (так ее звали) девочка простая, из глубинки, не все понимала. Примерно как я, когда в школе учился.

Вот она читает при ночнике, я почти уже сплю, и вдруг она меня спрашивает:

– А что такое фаллос?

Что было делать? Я очнулся на миг, приподнялся, кратко сказал, что такое фаллос, и снова упал головой в подушку.

Вот, как будто, и все по Фрейду. Объект, пардон за пошлость, найден и выявлен.

А приятель мой Виталька так и пропал. Вероятно, в больницах. След его затерялся, или я, сам собой и своими делами занятый, его потерял. К тому же мне вскорости пришлось надолго из Москвы уехать.

Что у него за болезнь была, не знаю. И так ли он был страшно болен?.. Может быть, просто залечили.

Он, собственно, ничего особенного и не натворил, когда его забрали. Просто как-то не так поговорил с дружинниками и милиционерами. Ему стали предъявлять циничное хулиганство (в то время – до 4-х лет), а он им стал что-то рассказывать про театральную студию, в которую он ходил, и про систему актера Михаила Чехова... Его и направили на экспертизу в это самое 17-е отделение. Время такое было. Правоохранительное...

Это нам теперь легко рассуждать, в постфрейдистскую (и вообще пост-всякую) эпоху живем. Нам теперь хоть доктор Фрейд, хоть доктор Геббельс – все одно... Пока.

...А он, Виталька, кроткий, добрый был. Улыбался всегда. Удивительно мало говорил. Хорошо фотографировал. Некоторые его снимки до сих пор у меня хранятся.

Там, в Кашенко, я раза два его навещал.

Помню осень, вечер, темно. И в просторном дворе больницы страшно от безлюдности и тишины, и казалось, что уже глубокая, глубокая ночь.

Посещать в том отделении, естественно, было нельзя: все под следствием. Можно было только через окно увидеть, прокричать что-нибудь, может быть, изъяснить знаками. И все это только вечером, когда уходили врачи, днем их и к окнам не подпускали. Ведь многим из тех, кто там содержался, немало грозило бы, если б их признали здоровыми.

...Когда меня увидели изнутри, все бросились к окну, каждый ждал, не к нему ли пришли. Было чуть не десять лиц в одном окне, и прижатые к стеклу ладони. Наконец в правом верхнем углу появился мой друг, обрадовался, засветился своей огромной улыбкой. Мы стали разговаривать, то есть кричали, совершенно не слыша друг друга, он все пытался что-то пальцем написать в воздухе. Я понимал плохо. Естественно – вольный невольного...

В просторном пустом больничном темном дворе мне было нехорошо, неуютно было разговаривать с ним.

Может быть (подсознательно, конечно) мне безопасней казалось там хотя бы не слишком заметным быть, и я от этого не достаточно громко говорил? Хотя едва ли. Вероятно, просто окна там так устроены были: я-то его тоже не слышал. Всех подробностей я за давностью лет уже, конечно, не помню, только остро врезались в память приплюснутые к стеклу ладони, и много скорбных лиц во всю высоты одного освещенного изнутри окна, выглядывающие друг из-за друга – как листья в гербарии.

Относительно благоустроенный и, если честно сказать, довольно счастливый тогда (хотя сам того не понимал и не ценил, конечно), я был страшно далек от всякого живого человеческого страдания. И вот тогда вдруг так близко увидел его. Настоящее.

Грех сказать, но эта живая скорбь была по-своему красива. Я даже сквозь естественные невеликие мысли и чувства где-то на дне себя какую-то омерзительную своеобразную гордость чувствовал. Гордость знания. Гордость пусть отдаленного знакомства с тем, о чем не все знают. Вот скажет мне кто-нибудь: «Кашенко...»

«Знаю, скажу, видел. Семнадцатый корпус».

Х. «Хрю!»

Пароль. И отзыв.

Ц. Царевна

Жизнь – надежда, насмешка, игрушка...
Молода, холодна, зелена,
Лихо едет в коробке лягушка,
Потому что царевна она.

Беспокойное это животное –
Кровь прохладна, а сердце болит.
Тихо плещется тина болотная,
И звезда со звездой говорит.

Некрасивая, тайно влюбленная,
Глубока, как морская волна,
Как июньская роща – зеленая,
И как бронзовый бюст зелена.

Приоткрыта коробочка лакова...
Не судя, не казня, не дразня,
Как ты, милая, прыгаешь ласково
Надо мною и возле меня!

Ч. Человек

Ното sum...

...И ничто человеческое мне не чуждо... Иной раз до такой степени, что ничего человеческого во мне не остается.

Ш. Шефская помощь

Лучше шефская помощь, чем скорая.

Щ. Щит и меч

Серп и молот, меч и щит.
Да и нет. Вокруг и около.
Нечто низкое лежит
В основании высокого.

Так построены дома,
Храм, больница и тюрьма.

Жаль, что ты до этой правды
Не додумалась сама.

Э. Эпоха

«... науки прикладной, утилитарной, дошедшей, наконец, до полного безумия и разврата своими телефонами, фонографами, электрическим освещением и т.д.»

К. Леонтьев. Записки отшельника

Что поделывать... Эпоха дурна и грехами богата.
От науки лихой стало жить непосильно трудней.
Электрический свет, неминуемый признак разврата,
Освещает высокую церковь и низкие тучи над ней...

Хоть наука, хоть нет... Жизнь прекрасна, хотя и дурак ты,
Ничего никогда не умеющий в жизни любить...
Покосившийся дом, во дворе покосившийся трактор,
На пробитых колесах спокойно и кротко стоит.

Ю. Юрий Долгорукий

Старый-старый анекдот:

Стоит грузин у памятника Юрию Долгорукому. Смотрит и говорит:

– Такой хороший город основал напротив ресторана Арагви...

Я. Я (личное местоимение)

Когда у меня была клиническая смерть, я вот что видел.

Более или менее глубокий колодец или что-то вроде. Как будто даже бетонный. Квадратный.

А внизу, на дне, что-то вроде микробов или какая-то (живая!) в полужидком виде субстанция (в небольшом количестве и на краю). Это воспринималось утешительно, даже, сколь это было возможно, радостно: всюду жизнь!